

Плюшкин

Плюшкин Степан — пятый, и последний, из «череды» помещиков, к которым Чичиков обращается с предложением продать ему мертвые души. В своеобразной отрицательной иерархии помещичьих типов, выведенных в поэме, этот скупой старик (ему седьмой десяток) занимает одновременно и самую нижнюю, и самую верхнюю ступень. Его образ олицетворяет полное омертвление человеческой души, почти полную погибель сильной и яркой личности, без остатка поглощенной страстью скупости, — но именно поэтому способной воскреснуть и преобразиться. (Ниже Плюшкина из персонажей поэмы «пал» только сам Чичиков, но для него авторским замыслом сохранена возможность еще более грандиозного «исправления».)

На эту двойственную, «отрицательно-положительную» природу образа Плюшкина заранее указывает финал 5-й главы; узнав от Собакевича, что по соседству живет скаредный помещик, у которого крестьяне «мрут, как мухи», Чичиков пытается выведать к нему дорогу у прохожего крестьянина; тот не знает никакого Плюшкина, но догадывается, о ком идет речь: «А, заплатанный!» Кличка эта унижительна, — но автор (в соответствии со сквозным приемом «Мертвых душ») от сатиры мгновенно переходит к лирическому пафосу; восхитившись меткостью народного слова, воздает хвалу русскому уму и как бы перемещается из пространства нравоописательного романа в пространство эпической поэмы «наподобие «Илиады».

Но чем ближе Чичиков к дому Плюшкина, тем тревожнее авторская интонация; вдруг — и будто бы ни с того ни с сего — автор сравнивает себя-ребенка с собою нынешним, свою тогдашнюю восторженность — с нынешней «охладелостью» взора. «О моя юность! о моя свежесть!» Ясно, что этот пассаж в равной мере относится к автору — и к «помертвелому» герою, встреча с которым предстоит читателю. И это невольное сближение «неприятного» персонажа с автором заранее выводит образ Плюшкина из того ряда «литературно-театральных» скупцов, с оглядкой на которых он написан, отличает и от скаредных персонажей плутовских романов, и от жадных помещиков нравоописательного эпоса, и от Гарпагона из мольеровской комедии «Скупой» (у Гарпагона такая же, как у Плюшкина, прореха пониже спины), сближая, напротив, с Бароном из «Скупого рыцаря» Пушкина и бальзаковским Гобсеком.

Описание плюшкинского имения аллегорически изображает запустение — и одновременно «захламление» его души, которая «не в Бога богатеет». Въезд полуразрушен — бревна вдавливаются, как фортепьянные клавиши; всюду особенная ветхость, крыши как решето; окна заткнуты тряпьем. У Собакевича они были заколочены хотя бы в целях экономии, а здесь — исключительно по причине «разрухи». Из-за изб видны огромные клады лежалого хлеба, похожего цветом на выжженный кирпич. Как в темном, «зазеркальном» мире, здесь все безжизненно — даже две церкви, которые должны образовывать смысловой центр пейзажа. Одна из них, деревянная, опустела; другая, каменная, вся потрескалась. Чуть позже образ опустевшего храма метафорически отзовется в словах Плюшкина, сожалеющего, что священник не скажет «слова» против всеобщего сребролюбия: «Против слова-то Божия не устоишь!» (Традиционный для Гоголя мотив «мертвого» отношения к Слову Жизни.) Господский дом, «сей странный замок», расположен посреди капустного огорода. «Плюшкинское» пространство невозможно охватить единым взором, оно словно распадается на детали и фрагменты — то одна часть откроется взгляду Чичикова, то другая; даже дом — местами в один этаж, местами в два. Симметрия, цельность, равновесие начали исчезать уже в описании имения Собакевича; здесь этот «процесс» идет вширь и вглубь. Во всем этом отражается «сегментарность» сознания

хозяина, который позабыл о главном и сосредоточился на третьестепенном. Он давно уже не знает, сколько, где и чего производится в его обширном и загубленном хозяйстве, — но зато следит за уровнем старой наливки в графинчике: не выпил ли кто-нибудь.

Запустение «пошло на пользу» одному лишь плюшкинскому саду, который, начинаясь близ господского дома, пропадает в поле. Все остальное погибло, омертвело, как в готическом романе, о котором напоминает сравнение плюшкинского дома с замком. Это как бы Ноев ковчег, внутри которого произошел потоп (не случайно практически все детали описания, как в ковчеге, имеют свою «пару» — тут две церкви, два бельведера, два окна, одно из которых, впрочем, заклеено треугольником из синей сахарной бумаги; у Плюшкина было две белокурые дочери и т. д.). Ветхость его мира сродни ветхости «допотопного» мира, погибшего от страстей. А сам Плюшкин — это несостоявшийся «праотец» Ной, из рачительного хозяина выродившийся в скопидома и утративший какую бы то ни было определенность облика и положения.

Встретив Плюшкина по дороге к дому, Чичиков не может понять, кто перед ним — баба или мужик, ключник или ключница, «редко бреющая бороду»? Узнав, что эта «ключница» и есть богатый помещик, владелец 1000 душ («Эхва! А вить хозяин-то я!»), Чичиков двадцать минут не может выйти из оцепенения. Портрет Плюшкина (длинный подбородок, который приходится закрывать платком, чтобы не заплевать; маленькие, еще не потухшие глазки бегают из-под высоких бровей, как мыши; засаленный халат превратился в юфть; тряпка на шее вместо платка) тоже указывает на полное «выпадение» героя из образа богатого помещика. Но все это не ради «разоблачения», а лишь ради того, чтобы напомнить о норме «мудрой скупости», с которой Плюшкин трагически разлучился и к которой все еще может вернуться.

Прежде, до «падения», взгляд Плюшкина, как трудолюбивый паук, «бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины»; теперь паук оплетает маятник остановившихся часов. Даже серебряные карманные часы, которые Плюшкин собирается подарить — да так и не дарит — Чичикову в благодарность за «избавление» от мертвых душ, и те «поиспорчены». Об ушедшем времени (а не только о скаредности) напоминает и зубочистка, которою хозяин, быть может, ковырял в зубах еще до нашествия французов.

Кажется, что, описав круг, повествование вернулось в точку, из которой началось, — первый из «чичиковских» помещиков, Манилов, точно так же живет вне времени, как и последний из них, Плюшкин. Но времени в мире Манилова нет и никогда не было; он ничего не утратил — ему нечего и возвращать. Плюшкин обладал всем. Это единственный, кроме самого Чичикова, герой поэмы, у которого есть биография, есть прошлое; без прошлого может обойтись настоящее, но без прошлого нет пути в будущее. До смерти жены Плюшкин был рачительным, опытным помещиком; у дочек и сына были учитель-француз и мадам; однако после этого у Плюшкина развился «комплекс» вдовца, он стал подозрительнее и скупее. Следующий шаг в сторону от определенной ему Богом жизненной дороги он сделал после тайного бегства старшей дочери, Александры Степановны, со штабс-ротмистром и самовольного определения сына в военную службу. (Он и до «бегства» считал военных картежниками и расточителями, теперь же и вовсе враждебно настроен к военной службе.) Младшая дочь умерла; сын проигрался в карты; душа Плюшкина ожесточилась окончательно; «волчий голод скупости» овладел им. Даже покупщики отказались иметь с ним дело — ибо это «бес», а не человек.

Возвращение «блудной дочери», чья жизнь со штабс-ротмистром оказалась не особенно сытной (явная сюжетная пародия на финал пушкинского «Станционного смотрителя»), примиряет Плюшкина с нею, но не избавляет от погубительной жадности. Поиграв с внуком, Плюшкин ничего Александре Степановне не дал, а подаренный ею во второй приезд кулич он засушил и теперь пытается угостить этим сухариком Чичикова. (Деталь также неслучайная; кулич — пасхальная «трапеца»; Пасха есть торжество Вос-

кресения; засушив кулич, Плюшкин как бы символически подтвердил, что его душа омертвела; но само по себе то, что кусочек кулича, пусть и заплесневелый, всегда хранится у него, ассоциативно связано с темой возможного «пасхального» возрождения его души.)

Умный Чичиков, угадав подмену, произошедшую в Плюшкине, соответственным образом «переоснащает» свою обычную вступительную речь; как в Плюшкине «добродетель» потеснена «экономией», а «редкие свойства души» — «порядком», так подменены они и в чичиковском «приступе» к теме мертвых душ. Но в том и дело, что жадность не до последнего предела смогла овладеть сердцем Плюшкина. Совершив купчую (Чичиков убеждает хозяина, что готов взять на себя податные издержки на мертвых «для удовольствия вашего»; список мертвецов у хозяйственного Плюшкина уже готов, неизвестно для какой нужды), Плюшкин размышляет, кто бы мог от его имени заверить ее в городе, и вспоминает, что Председатель был его школьным товарищем. И это воспоминание (тут полностью повторяется ход авторских размышлений в начале главы) внезапно оживляет героя: «...на этом деревянном лице <...> выразилось <...> бледное отражение чувства». Естественно, это случайный и мгновенный проблеск жизни.

Поэтому, когда Чичиков, не только приобретя 120 мертвых душ, но и купив беглых по 27 копеек за душу, выезжает от Плюшкина, автор описывает сумеречный пейзаж, в котором тень со светом «перемешалась совершенно» — как в несчастной душе Плюшкина.